

УДК 929.7.035

Цветков В.С.

Московский государственный областной университет

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

V. Tsvetkov

Moscow State Regional University

**THE ORGANIZATION OF THE NOBILITY TRUSTEESHIP
IN THE SECOND HALF OF 19TH–EARLY OF 20TH CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF MOSCOW PROVINCE)**

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность дворянской сословной опеки во второй половине XIX – начале XX вв. Исследование функционирования института опеки ведётся на примере наиболее крупной из всех опеки России – московской уездной опеки, а также других уездных опеки Московской губернии. Основной задачей этой работы было описание проблем, с которыми сталкивалась дворянская опека в процессе своей деятельности. Несмотря на многочисленные проблемы, институт дворянской опеки продолжал успешно функционировать вплоть до 1917 г. Хотя уже проводились исследования дворянских опеки различных губерний России, данная работа является первой, которая затрагивает деятельность этого сословного института в Московской губернии.

Ключевые слова: дворянство, дворянское самоуправление, дворянская опека, предводитель дворянства, опекунство, опека.

Abstract. The article explores the organization of the nobility trusteeship in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author studies the nobility trusteeship functioning basing his research on the example of the nobility trusteeship of Moscow Uyezd and other trusteeships of Moscow Province. The main objective of this research is the description of the nobility trusteeship problems. The author states that the institution of nobility trusteeship was successfully functioning up to 1917 in spite of numerous problems. There have already been some researches made studying nobility trusteeships of various provinces of Russia, but this very article is the first research of Moscow Province nobility trusteeship.

Key words: nobility, nobility self-government, nobility trusteeship, marshal of the nobility, tutorship, trusteeship.

Одним из важнейших корпоративных институтов дворянского сословия в дореволюционной России была Дворянская опека. Началу существования Дворянской сословной опеки положило в 1775 г. «Учреждение о губерниях» [1, с. 23], по которому основным ее назначением было опекунство над вдовами, сиротами, престарелыми, расточителями своего имущества [3, 166], душевнобольными, глухонемыми, спорщиками по наследству, должниками [7, с. 178].

Дворянские опеки существовали исключительно в рамках уездов, общегубернских органов не существовало. В уездах они находились в ведении уездных предводителей дворянства [3, с. 166], подчинялись окружным судам и губернским правлениям [2, с. 679].

В ведении московского дворянства находилось тринадцать опеки, по числу уездных дворянств. В качестве примера можно привести деятельность Московской дворянской опеки как наиболее крупной из всех уездных, если в последних насчитывалось не более нескольких десятков дел, то в Московской их число измерялось сотнями и превышало общее число опеки в остальных уездах. Так, в 1886 г. в ведении Московской опеки находилось 676

опекунств, а в остальных двенадцати уездных - было 117 дел¹.

Трудности, с которыми сталкивалась в своей работе Московская опека, были характерны и для других уездов с той разницей, что в силу её размеров они имели более значительный характер. О трудностях в ее деятельности можно судить по докладам московских уездных предводителей дворянства, бывших её председателями. Основными проблемами были: малое количество служащих канцелярии при большом объёме делопроизводства, малое финансирование, обилие неимущих опекунов, небольшое число желающих принять на себя обязанности опекунов, недостатки в законодательстве, приводящие к несогласованности действий с надзорными органами, отсутствие подходящего помещения для размещения канцелярии.

В рамках каждой дворянской опеки существовала канцелярия, штат которой зависел от величины уезда и количества дел. Назначались и увольнялись канцелярские служащие, как и в других сословных учреждениях дворянства, лишь с разрешения губернского правления [4, с. 69]. Оплата жалования осуществлялась по большей части из средств дворянства, и в меньшей степени из государственной казны.

Существовавшего штата опеки было недостаточно для её полноценного функционирования. Как отмечал в 1890 г. в отчёте московский предводитель дворянства князь П.П. Трубецкой: «ни одно из учреждений Москвы, старых и новых, не находится в таком неопределённом положении относительно состава служащих в ней чинов». Штат опеки был утверждён в 1775 г. при ее учреждении и составлял 9 человек: председатель (уездный предводитель), уездный судья и 2 заседателя прикомандированных от Московского уездного суда, секретарь и 4 чиновника. Тогда всего на опеку вместе с суммой на канцелярские расходы шло 149 руб. 61 коп.² По закону расходы эти покрывались из сбора на част-

ные дворянские повинности [3, с. 154]: «сбор на содержание канцелярий дворянских опекунов вносился на сей предмет расходами установленным порядком в смету частных земских повинностей» [6, с. 455].

На ранних этапах существования опеки, этого числа служащих было достаточно, но к середине XIX в. число дел значительно увеличилось, что вело к нехватке служащих. Дворянству было трудно найти чиновника, который согласился бы работать сверх штата за неопределённый оклад и в случае отсутствия средств остаться без жалования³. Стало не хватать не только служащих канцелярии, но и отпускаемых на её содержание средств. Председателям пришлось встать перед выбором: или закрывать опеку, или тратить на её содержание собственные средства. Они избрали последнее. «С тех пор вошло в обычай вместе со званием московского уездного предводителя дворянства принимать и все расходы по дворянской опеке», – говорил П.П. Трубецкой.

На 1881 г. в московской опеке состояло уже 11 служащих: председательствующий уездный предводитель, 2 члена присутствия, секретарь, один приходорасходчик, столоначальник, 2 его помощника, канцелярский чиновник, регистратор и архивариус. Члены присутствия опеки избирались собранием, в их задачу входила ревизия отчётов, надзор над канцелярией и денежными суммами. Секретарь был ответственным лицом по опеке и делопроизводству⁴.

В 1881 г. на содержание служащих Московской опеки требовалось 4120 руб. в год⁵. Сумма ассигнований была повышена, но и ее не хватало на содержание опеки и её канцелярии, притом, что общая стоимость имущества, ей заведомых, составляла 15 миллионов рублей.

Предпринимались многочисленные попытки различными способами увеличить финансирование опеки. Ещё в 1861 г. уездный предводитель, говоря об улучшении ее материального положения генерал-губернатору

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 46.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 46.

⁴ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

⁵ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-10.

Тучкову, просил разрешение на получение канцелярией, в качестве дополнительного содержания, процента с опекунских доходов. Ходатайство было отклонено, генерал-губернатор предложил опекунам добровольно внести средства на увеличение содержания канцелярии. Первые годы собиралось до 4000 руб. в год, что и позволяло иметь достаточное число канцелярских чиновников¹. Несмотря на хорошие сборы, добровольные взносы были неудобны из-за неопределенности взносов, необязательности их выполнения и необходимости делать напоминания о взносах, к тому же такой практики не было ни в одной губернии.

К концу 1880-х гг. многие опекуны отказались от взноса, т. к. он не был установлен законом, сумма сборов уменьшалась с каждым годом и снизилась наполовину. К тому же увеличилось число неимущих опеков, ничего не вносящих. Бюджет опеки стал дефицитным, была потеряна возможность нанимать квалифицированных служащих. Вновь уездным предводителям пришлось тратить собственные средства [8, с. 7-8].

17 января 1887 г. Московское дворянское собрание решило ходатайствовать перед предводителем о разрешении взимать ½% сбора со всех имуществ, находящихся в ведении опеки для увеличения средств её содержания. В год предполагалось собирать 4000 руб. Но правительство отклонило ходатайство на том основании, что невозможно было ввести сбор только на территории одного уезда. Для этого было необходимо, чтобы все опеки губернии были сосредоточены в ведении Московского уезда.

Помимо введения сбора, объединение опеков должно было увеличить средства Московской опеки на 4950 руб. в результате соединения бюджета всех опеков. Однако большинство уездных дворянств отказались присоединить свои опеки к Московской. К ней отошли только малочисленные Волоколамская опека (в 1881 г.) и Богородская (в 1914 г.).

Собрание предводителей и депутатов дворянства 1890 г. решило, что единственным

источником для увеличения содержания Московской уездной опеки было увеличение ассигнований из частных дворянских повинностей, в результате чего содержание было увеличено с 4100 руб. до 7500 руб. в год, что было больше, чем ассигнования на все другие уездные опеки. На каждую из них (кроме Московской) в год выделялось 550 руб., что составляло в общей сложности 4950 руб.² К 1890 г. содержание всех уездных опеков обходилось дворянству Московской губернии в 17700 руб. [5, с. 47].

Органы дворянской опеки могли вступать в конфликты с государственными учреждениями, которым они были подотчетны. Это происходило из-за ошибок в законодательстве, не учитывавших несогласованность в работе сословных и государственных учреждений. Например, в 1869 г. в докладе комиссии по составлению московским дворянством проекта устава дворянской опеки говорилось, что Гражданская палата, которой принадлежал контроль над опекой и ревизия опекунских отчетов, не рассматривала при контроле качество управлений имениями, а акцентировала внимание на оформлении отчетной документации³.

В докладе московского уездного предводителя дворянства князя П.П. Трубецкого в 1881 г. указывалось, что «выше стоящие инстанции плохо представляют себе особенности функционирования опеки, часто спуская распоряжения, которые при их исполнении приносят ущерб интересам опекаемых», в частности примером подобных решений были определения в опекуны людей, не вызывающих доверия. К тому же вышестоящие учреждения следовали букве закона и не обращали внимания «на нравственные и экономические потери от их исполнения». Подчас отклоненные кандидаты в опекуны обращались в окружной суд, доказывая в нем, что опека не способна в полной мере обеспечивать интересы опекаемых. Суды вставали на стороны истцов и предписывали назначить их опекунами, хотя те могли сами находиться под опекой. В качестве

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42-46.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42-46.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 1-7.

примера некомпетентности в вопросах опеки окружного суда Трубецкой приводил опекунов над 13-летней сиротой, чьё имя Трубецкой не указал. Девочка была дочерью дворянина и крестьянки. После смерти отца она воспитывалась семьёй матери. Через некоторое время сирота получила наследство, состоящее из двух домов в Москве, доставшихся ей после смерти бабушки (матери отца). Девочка была взята под опеку дворянства и помещена в образовательное учреждение, подобающее её статусу (Александровский институт). Опекой было назначено два, с точки зрения опеки, благонадёжных опекуна над личностью и имуществом сироты (мужчина и женщина). Дальний родственник сироты, которому самому было 24 года, заявил права на опеку. Несмотря на его неблагонадёжность, окружной суд сделал его соопекуном вместе с двумя другими, назначенными дворянством. Желая стать единственным опекуном, дальний родственник всячески оскорблял других опекунов и распускал про них нелепые слухи, якобы о злоупотреблении ими своим статусом. Несколько раз опека отстраняла его, но окружной суд каждый раз восстанавливал родственника сироты в правах. Но при плановой ревизии нашлась недостача со стороны родственника, опека отказалась исполнять решение суда, и жалоб со стороны бывшего опекуна больше не было. Дальний родственник сироты не оставил попыток стать единоличным опекуном над богатым наследством. Он нашёл мать девочки – женщину, выросшую в бедной крестьянской семье, живущую в дальней губернии и находящуюся под опекой по причине недееспособности. При поддержке семьи матери, желавшей получить свою выгоду, бывший опекун засвидетельствовал её как полностью здорового человека и потребовал от её имени полную опеку над собственностью дочери. В случае успеха, прикрываясь именем матери девочки, фактическим управляющим всей собственностью сироты становился бывший опекун, но представители дворянства не позволили матери девочки стать опекуном. На этот раз суд встал на сторону опеки.

Дворянская опека испытывала трудности с назначением опекунов. Это было связано не только с ограничениями для опекунов, основным из которых должна была быть благонадёжность. По сведениям московского уездного предводителя дворянства князя П.П. Трубецкого, изложенным в его докладе, за 1881 г. только в небольшом количестве опеки из всех 509 дел по Москве можно было назначить опекунами наиболее логичных кандидатов – родителей или родственников. В большей части случаев опекунов приходилось приглашать самой дворянской опеке, что было сложно сделать из-за непривлекательности большинства опекунов, т. к. в Московском уезде не было крупных капиталов. К 1881 г. в ведении Московской опеки было 509 дел, из них: 135 (26,5%) имели капиталы, дома в Москве и недвижимые имущества в других губерниях, а 333 (65%) были неимуществами.

Из-за многочисленности бедных опекунов и небольшого числа желающих возглавить их у одного опекуна в ведении было вплоть до 25 дел. Мало кто соглашался опекать непродуктивные производства, эта работа была сложной и не прибыльной¹. Так, в 1859 г. при назначении опекуна в имение графа И. В. Зотова, обременённого долгами, богородский предводитель дворянства предложил принять эту должность двум дворянам своего уезда, которые полностью подходили под требования, но оба под различными предлогами отказались от предложения².

Подчас опекунам приходилось тратить собственные средства, например, на оплату обучения сирот, не имеющих наследства, доходы с которого могли бы покрыть эти расходы. Дворянская опека не имела прав принудительно назначать дворян опекунами, хотя известно четыре случая, когда по особой просьбе некоторые из дворян принимали на себя звание опекунов с благотворительной целью. Чаще всего приходилось назначать опекунами к неимущим сиротам их собственных бедных матерей или нуждающихся родственников, которые не могли позволить себе оп-

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1-18.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 140. Л. 1-6.

лату пребывания ребёнка в воспитательном учреждении.

Для решения данной проблемы по инициативе П.П. Трубецкого и при поддержке всех уездных дворянств в 1881 г. была учреждена Сиротская касса, откуда выплачивались пособия в размере от 60 до 120 руб. в год на одного сироту¹. В 1891 г. сумма, выделенная из капитала на помощь неимущим опекунам, составила 10332 руб. в год².

Помимо финансовых и других проблем, Московская опека испытывала сложности с размещением канцелярии. Изначально она располагалась в бесплатном помещении в Казённой палате (здании присутственных мест). К очередному губернскому собранию дворянства в январе 1884 г. было подано предложение в собрание предводителей и депутатов дворянства, в котором объяснялась невозможность дальнейшего пребывания её в помещении по причине его ветхости. Опека предупреждала о возможной полной остановке делопроизводства. В предложении говорилось о необходимости немедленно озаботиться поисками нового помещения для опеки. Было принято решение, по которому для того, чтобы опека смогла снять для себя более удобное помещение, нужно увеличить её финансирование за счёт присоединения к московской трёх малочисленных уездных опекам, в результате чего бюджет увеличился бы на 1650 руб. Но решение так и не исполнили. Затем здание присутственных мест было отобрано у опеки губернской администрацией с указанием, что она, как сословное учреждение, не имеет права занимать помещение дома, принадлежащего ведомству Министерства внутренних дел и находящегося во владение городского общества. С 1 марта 1885 г. опека переехала на временное место в здании Сенатской типографии, принадлежащее Министерству юстиции, располагавшееся на углу Театральной площади и Охотного ряда. Помещение было не приспособлено не только для канцелярской работы, но и для приёма посетителей, т. к. чтобы попасть в

канцелярию, было необходимо подняться по крутой лестнице, строившейся для подсобных нужд, а не для обслуживания общественных мест. Под предлогом крайне неудобного входа в помещение некоторые опекуны пожелали отказаться от этого звания, говоря, что не имеют сил постоянно подниматься по этой крутой лестнице [8, с. 2-4].

По подсчётам московского предводителя дворянства П.П. Трубецкого, московской опеке требовалось пять комнат. Предполагалось разместить её в доме Российского благородного собрания, но, как оказалось, такого количества помещений в нём не было, а имеющиеся нельзя было приспособить. В результате проблема размещения так и не была решена³.

Московская опека имела постоянные затруднения в работе из-за несоответствия установленного в конце XVIII в. штата и финансирования с реалиями XIX в., охарактеризовавшегося увеличением числа опекунов. Проблемы с нехваткой служащих, помещений и опекунов, в конечном счете, сводились к проблеме недостаточного финансирования опеки. Решение проблем требовало значительных денежных средств, но даже если удавалось увеличить финансирование, то большая часть полученных денег уходила на решение новых проблем. Деятельность московской опеки является примером функционирования всех аналогичных учреждений Московской губернии, ее проблемы были характерны и для других уездных опекам. Несмотря на многочисленные трудности, дворянская опека не прекращала работы и продолжала функционировать до 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобровников В.Г. Благотворительность в дворянских обществах (1775–1917 гг.). // Клио: Журнал для ученых. – № 4 (39). – 2007. – С. 23–26.
2. Корелин А.П. Дворянская опека // Отечественная история: энциклопедия в 5 т. – Т. 1: А–Д. – М., 1994. – 736 с.
3. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. – М.: Наука, 1979. – 420 с.

¹ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1–36.

² ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 309. Л. 23.

³ ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 183. Л. 42–43.

4. Литвинова Т.Н. Дворянская опека Воронежской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 13. – Воронеж, 2005. – С. 69-81.
5. Московское губернское очередное дворянское собрание, (18) 26 февраля 1890 г. – М.: Унив. Тип., 1890. – 106 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – Т. XI. Отд. 2-е. – СПб., 1836. – 893 с.
7. Рянский Л. Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории. – М., 1981. – С. 178-189.
8. Трубецкой П. П. Докладная записка членам собрания господ предводителей и депутатов Московского дворянства, составленное Московским уездным предводителем дворянства, по вопросу о материальном обеспечении Московской дворянской опеки. – М., 1885. – 12 с.

УДК 94(47).083:37.01

Ватник Н.С.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

«ШКОЛЬНЫЙ ФАКТОР» В САМОУБИЙСТВАХ УЧАЩИХСЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

N. Vatnik

Moscow State Regional Social-humanitarian Institute, Kolomna

«THE SCHOOL FACTOR» IN STUDENTS' SUICIDES IN CENTRAL RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Аннотация. Рассмотрены в качестве социального явления самоубийства учащихся средних учебных заведений в начале XX в. С привлечением архивных документов проанализированы их причины, связанные с событиями учебной жизни: страхи перед получением плохих оценок, конфликты с преподавателями, упреки родителей в связи с низкой успеваемостью, переживания из-за обучения и проживания вне семьи. Изучены и типизированы конкретные обстоятельства, подтолкнувшие молодых людей к роковому шагу. Приведены оценки родителей, педагогов и учеников фактов самоубийств школьников.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; средняя школа; самоубийства учащихся.

Abstract. The article presents secondary school students' suicides at the beginning of the 20th century as a social phenomenon. Using the documents from the archives the author analyses the reasons of suicides connected with the school life factors. They are: fear of getting bad marks, conflicts with teachers, and parents' disapproval of poor studying, living without family. The author estimates and typifies some specific circumstances, making young students commit suicides. The article gives examples of teachers', parents' and students' attitude to such suicides.

Key words: late imperial Russia, secondary school, students' suicides.

На рубеже XIX–XX вв. требовало серьезного реформирования центральное звено российской системы образования – средние учебные заведения. Постоянными стали критика прессой, педагогами и родителями «толстовско-дедяновской» школы. Со своей стороны, полиция и учебное начальство фиксировали в губернских и уездных городах деятельность нелегальных ученических кружков, групп и союзов (академических, политических). В гимназиях и реальных училищах происходили волнения, бунты, забастовки и демонстрации [7, с. 84-111]. Невиданную организованность и массовость «беспорядки» приобрели в годы Первой